

ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ: ПРАКТИКА СЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛУ И ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Григорий Гутнер

Институт философии РАН, ул. Волхонка, 14, 119992 Москва, Россия

Эл. почта: goutner@yandex.ru

Статья посвящена одной из традиционных проблем философии языка – проблеме следования правилу. Языковое общение рассмотрено как правилосообразная деятельность. Описаны две стратегии следования правилу. Одна из них, названная габитуальной, строго связана с системой институтов и социальных практик. Для исследования этой стратегии в статье использована концепция габитуса, разработанная П. Бурдьё. Другая стратегия основана на понятии рефлексии. Рефлексивный акт имплицитно альтернативные правила коммуникативного действия и подразумевает ответственный выбор со стороны субъекта коммуникации.

Ключевые слова: следование правилу, практика, габитус, рефлексия, альтернатива.

Введение

В философии языка второй половины XX века прочно прижилось понятие языковой игры, введенное Витгенштейном. Оно содержит целый комплекс эвристически значимых смыслов, открывающих подходы к решению разнообразных философских проблем. Совокупность языковых игр представляет собой совокупность форм жизни, охватывающих все человеческое существование. Концепция языковых игр позволяет представить все человеческие действия в контексте коммуникации и прояснить их социальный смысл. Развертывание языковых игр в сообществе сопряжено с взаимодействием и взаимным пониманием его членов. Это обстоятельство заставляет всерьез обсуждать вопрос о следовании правилу, поскольку именно правилосообразность делает человеческое действие понятным и коммуникативно значимым. Однако сама возможность следовать правилу оказывается проблематичной. Проблема следования

правилу является на настоящий момент одной из важнейших в философии языка¹. В настоящей статье представим два возможных подхода к правилосообразности. Один из них предполагает сведение правила к навыку и социально обусловленной технике общения. Второй – выявляет значение рефлексии в выборе правила и позволяет представить общение как ответственную деятельность субъекта.

Проблема следования правилу в Философских исследованиях Витгенштейна

Обратимся прежде всего к „истoku“ проблемы. Обсуждая тексты Витгенштейна, не будем пытаться дать их развернутое

¹ Обзор проблем по этому вопросу можно найти в работах А. Ф. Грязнова (Грязнов 1996) и А. Мартинича (Martinich 1996).

толкование, а лишь попытаемся извлечь из них некоторые детали, значимые для дальнейшего исследования. В этом смысле небезынтересно соотнести параграфы 185 и 201 *Философских исследований* (Виттгенштейн 1994). В первом случае описывается пример обучения понятию „четное число“. Ученик выписывает последовательности четных чисел, следуя правилу: для получения следующего числа нужно прибавить 2 к уже записанному. При этом он исходит из конечной совокупности уже совершенных действий, которые, согласно примеру Виттгенштейна, совершались лишь с числами, не превышающими 1000. И вот дойдя однажды до этой границы, ученик продолжает ряд следующим образом: 1000, 1004, 1008, 1012. Проблема состоит в том, что оказывается невозможным строго обосновать ошибочность этого продолжения. Все разобранные ранее примеры оказываются бесполезными, поскольку возникла новая ситуация. Еще ни разу не было объяснено, что значит „прибавить 2“ для чисел, следующих за 1000. Поэтому ученик имеет право интерпретировать правило как угодно. Иными словами, столкнувшись с ситуацией, не охваченной разобранными примерами, ученик вынужден строить собственные гипотезы относительно продолжения ряда. Параграф 201 выглядит как обобщение этой ситуации. „Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия“ (Виттгенштейн 1994: п. 163). В самом деле, „образ действия“ ученика не находится в соответствии с провозглашенным правилом, но и не противоречит ему. Точнее, ни соответствие, ни противоречие невозможно обосновать. Заданный ряд примеров всегда

можно продолжить произвольным образом. Ученик (как и любой участник коммуникации – не обязательно в ситуации обучения) может лишь случайно угадать, какой образ действия ожидает от него собеседник, какое правило подразумевается ситуацией.

Попробуем расширить контекст обсуждения. На наш взгляд, прямое отношение к описываемой проблеме имеет пример из параграфа 76 (Виттгенштейн 1994: п. 115). С помощью этого примера вопрос о следовании правилу можно соотнести с идеей семейного сходства и описанием практики употребления языковых выражений. В указанном параграфе Виттгенштейн пишет о границах понятий, точнее, о четкости этих границ. Предлагая сопоставить два изображения, „одно из которых состоит из расплывчатых цветковых пятен, а другое – из пятен подобной же формы, в таком же соотношении, но с четкими контурами“, он замечает: „Сходство здесь столь же бесспорно, как и различие“. Тот факт, что нечеткое изображение сходно с расплывчатым и в той же мере отлично от него, родственен цитированному утверждению параграфа 201. Четко сформулированному правилу можно с равным успехом поставить в соответствие любой образ действий или нельзя поставить никакой. Дальнейшее рассуждение Виттгенштейна подтверждает эту мысль. Он пишет (в параграфе 76), что задача передать расплывчатое изображение с помощью четкого невыполнима. „Я мог бы здесь с тем же успехом, что и прямоугольник, изобразить круг или сердце; ведь краски сливаются друг с другом. Изображение соответствует всему – и ничему“. По мысли Виттгенштейна, этот пример демонстрирует попытку описать значение языкового выражения с помощью единой и недвусмысленной формулы. Поскольку „значение есть употребление“, такая формула должна охватывать все возможные случаи употребления. Однако эти случаи не имеют единой сущности, которую можно было бы схватить

общим определением (передать с помощью четкого изображения). Такое определение будет как раз крайне неопределенным: под него можно подвести все что угодно или ничего. Ситуации употребления языкового выражения связаны благодаря семейному сходству. Это – многообразие ситуаций, в котором человек учится ориентироваться по мере изучения языка.

Понятие значения языкового выражения оказывается родственным понятию правила. И то, и другое указывает на образ действий, на характер языкового поведения, которое невозможно ограничить рамками строгого определения. Последнее всегда, когда претендует на общность и исчерпывающий характер, оказывается несостоятельным. В этом и состоит проблема следования правилу. Ему невозможно следовать, когда оно предложено в виде общей, претендующей на строгость формулы. Подводить свои действия под такую формулу, значит лишь „полагать, что следуешь правилу“. Именно это происходит с учеником, который полагает, что следует правилу „прибавлять 2“. Однако действовать так, значит, вступать в область рискованных гипотез, основывать свое поведение на догадках. Всякая попытка „иметь в виду“ некую точную общую формулу вопреки ожиданию заводит в сферу крайней неопределенности. При этом не выручают никакие попытки детализировать правило. Большая точность не приводит к большей ясности по поводу требуемого образа действий.

И наоборот, когда мы не формулируем точных правил в собственном сознании, а действуем, подчиняясь „размытым“ принципам коммуникативного поведения, мы чувствуем себя вполне уверенно. Эти принципы не предъявляются в качестве формальных определений или инструкций, а действуют как привычка, как хорошо освоенная практика. „Понимать язык – значит, владеть некой техникой“ (1994: п. 199). Слово „техника“ здесь близко по

смыслу греческому *τεχνη* и может быть понято как искусство, умение, навык.

Таким образом, Виттгенштейн отвергает мысль о том, что следование правилу есть применение точной формулы к коммуникативной практике. Для нашего дальнейшего исследования важно не просто констатировать такой подход к правилосообразной деятельности, но зафиксировать проведенное в *Философских исследованиях* различие между формулой и практикой (техникой). В дальнейшем постараемся показать, что понимание правила, которое Виттгенштейн отвергает, все же весьма значимо для коммуникации. Однако очень важен тот, на первый взгляд парадоксальный, вывод, который мы обнаружили у Виттгенштейна: всякая попытка применить точную формулу подвергает участника коммуникации в сферу неопределенности и рискованных догадок, тогда как следование размытым (с точки зрения формального описания) практикам общения сопровождается уверенностью и с большой вероятностью гарантирует правильные коммуникативные поступки.

Правило как социальный институт

Далее нам необходимо сказать несколько слов об известной интерпретации Виттгенштейна, развитой Солом Крипке (Kripke 1982). Значение его работы состоит, прежде всего, в обосновании с опорой на текст *Философских исследований* социального смысла правила. Не будем касаться той дискуссии, которую породила интерпретация Крипке основных идей Виттгенштейна. Отметим, что многие из оппонентов Крипке подвергают критике его предельный „социоцентризм“ и убеждение в абсолютном диктате общества над индивидом². В самом деле, этот автор стремится провести полную

² См., например, McGinn 1984 и Baker, Hacker 1984.

„де-индивидуализацию“ правилосообразной деятельности и тем самым предлагает бессубъектную модель коммуникации. Поскольку нашей задачей является обоснование субъектного характера общения, то аргументы Крипке представляются особенно интересными.

Исходным пунктом рассуждения Крипке является так называемый скептический парадокс. Он демонстрируется на простом арифметическом примере. Предлагается рассмотреть, как будет складывать числа человек, вроде бы освоивший правила арифметики, но впервые в жизни столкнувшийся с необходимостью сложить, например, 68 и 57. Вроде бы можно утверждать, что правильный результат сложения именно 125, поскольку именно к нему приводит известная арифметическая процедура. Однако имеет смысл вопрос: почему нужно в данном случае применять именно эту процедуру? Крипке последовательно показывает, что, если человек опирается лишь на свой персональный опыт, то никаких аргументов в пользу конкретной процедуры он найти не сможет. Всегда можно предложить альтернативное действие, столь же хорошо согласующееся с предшествующим опытом. Получается, что даже в простейшей коммуникативной ситуации человек должен оказаться перед лицом неразрешимой проблемы: из множества альтернативных вариантов поведения невозможно выбрать наиболее предпочтительный.

Этот парадокс Крипке рассматривает по аналогии со скептическим аргументом Юма. Согласно последнему, мы никогда не можем судить о наличии причинной связи между двумя событиями, если наблюдаем лишь эту единичную пару событий. Суть аналогии состоит в том, что в обоих случаях (при установлении причинной зависимости у Юма и при описании следования правилу у Виттгенштейна) проблема возникает из-за рассмотрения именно единичного случая. Крипке ищет решение своего скептического

парадокса по аналогии со „скептическим решением“ Юма. Согласно этому решению, всякое суждение о причинной связи между событиями может быть оправдано лишь тогда, когда каждое из них отнесено к некоторому типу событий. Иными словами, причинно-следственные отношения устанавливаются не для пары событий a и b , а для двух классов A и B , которые мы видим постоянно следующими друг за другом. Это наблюдение позволяет утверждать, что событие типа A является причиной события типа B . Что же касается единичных событий, то причинно-следственные отношения между ними устанавливаются лишь благодаря их включению в соответствующие классы.

Это решение Крипке пытается использовать при анализе коммуникации, утверждая, что решение Виттгенштейна аналогично юмовскому. На этом основании это решение также называется скептическим (хотя сам Крипке признает, что Виттгенштейн не был скептиком). Невозможно сделать заключение о соответствии правилу, исходя из персонального опыта. Такое соответствие можно установить лишь тогда, когда поступающий так или иначе индивид принадлежит к сообществу. Именно принадлежность к сообществу детерминирует поведение участника коммуникации, делая его поступки очевидными и сами собой разумеющимися. Ведь никто в действительности не мучается над выбором, какую операцию нужно совершить, когда требуется сложить два числа, даже если это приходится делать впервые. Причиной тому служит существование общественной санкции на применение нужной процедуры. Общество „знает“, как правильно поступать, и индивид, будучи членом общества, не задумываясь, действует сообразно этому „знанию“.

Сказанное означает, что необходимым условием правилосообразной деятельности является согласие общества по поводу релевантности определенного образа действия некоторому классу ситуаций. Например, все

согласны, что для любых чисел x и y в выражении $x + y = z$ после знака равенства должен стоять результат процедуры сложения, а не что-то другое. Возможность согласия, в свою очередь, существует благодаря постоянному взаимному контролю. Последний состоит в фиксации совпадения ответов. Каждый член сообщества контролирует другого и, в свою очередь, подвергается контролю со стороны другого в результате постоянно осуществляемого сличения: совпадает ли поступок, совершенный другим, с тем, который совершил бы я? Важно, однако, что речь идет вовсе не о каком-то обоюдном личном соглашении. Значение имеет, конечно, не согласие двух акторов друг с другом. Существенно, что такого рода взаимодействия носят массовый характер и постоянно возобновляются. Правило именно потому является правилом, что согласие такого рода имеет место практически всегда. Его нарушение является отклонением от нормы и требует исправления (например, путем обучения). Регулярное нарушение соглашения со стороны индивида свидетельствует о том, что этот индивид не принадлежит к сообществу, не принимает его „формы жизни“. Взаимный контроль есть контроль общества над индивидом. Принципиально именно безличное согласие, не подразумевающее рационального принятия, договоренности. Описанное Крипке единство акторов в следовании правилу подразумевает своего рода автоматизм. Отдельный член сообщества следует ему „слепо“, не подвергая его сомнению и не ставя вопрос о его принятии. В нормальном случае требование сообщества совпадает со склонностью индивида поступать определенным образом. Точно так же и согласие с действием другого не может быть понято как рационально оправданное согласие. Скорее всего, оно даже не осознается. Коммуникативная деятельность в описании Крипке предстает чем-то вроде взаимодействия деталей хорошо отлаженного механизма.

Как бы то ни было, в рамках предложенной Крипке модели вполне уместно введенное Витгенштейном понимание следования правилу как техники. Столь несомненным может быть только доведенное до автоматизма умение или привычка. В этом смысле использование требуемых сообществом процедур представляет собой нечто вроде езды на велосипеде. Социализация есть обретение навыка общения, который можно рассматривать как проекцию принятых сообществом правил на способ жизни индивида. Персональный навык возможен лишь в рамках социального института. Эта тема требует более тщательного рассмотрения.

Социальные практики и габитус

Обсуждение вопроса о следовании правилу чаще всего ведется со ссылкой на англоязычных авторов, работающих в рамках аналитической философской традиции. Однако тематика, наметившаяся при обсуждении концепции Крипке, требует перехода к иной традиции. Я имею в виду работы французского социолога Пьера Бурдьё. Ему, судя по всему, удалось показать тождество персонального навыка и социальной практики.

Описывая социальные практики, Бурдьё проводит два важных различия. Непосредственно осуществляемую практику он предлагает отличать, во-первых, от объективированных описаний этой практики, а во-вторых, сознательно усвоенных юридических или „квази-юридических“ принципов, соотносимых с этой практикой. В первом случае речь идет об объективных закономерностях социальной жизни, которые описываются в социологических теориях. Они представляют собой гипотетические модели упомянутых практик. Во втором случае Бурдьё настаивает на отличии самой практики от всякого рода ее кодифицированных представлений, которые при определенных обстоятельствах создают сами акторы,

осуществляющие эти практики. Ниже мы подробнее обсудим, что это за обстоятельства, поскольку теме кодификации Бурдье придает немалое значение. Сейчас лишь отметим, что, несомненно, существует принципиальная разница между кодификацией и научной моделью. Однако в рамках проводимого Бурдье исследования гораздо важнее другое – различие между самой практикой и имплицитными принципами ее порождения, с одной стороны, и их эксплицированными выражениями, с другой.

Думаю, не будет натяжкой аналогия между обсуждаемым Бурдье понятием практики и витгенштейновским понятием языковой игры. Согласно Бурдье, вся человеческая жизнь есть совокупность определенных практик, подобно тому, как и у Витгенштейна, человек постоянно занят тем, что осуществляет различные языковые игры. Парламентские дебаты, церковные службы, финансовые операции – это все практики, осуществляемые, что немаловажно, сообразно санкционированным в обществе правилам. Небезынтересно, что для описания практик – правил их осуществления и принципов порождения – Бурдье, как и Витгенштейн, прибегает к понятию игры. Во всяком случае, именно об игре он пишет, вводя понятие габитуса – одно из основных понятий своей концепции.

Это понятие позволяет описать способ поведения человека, осуществляющего социальную практику или, что, по-видимому, то же самое, участвующего в социальной игре. Габитус позволяет человеку находить правильный ход в игре, т. е., возвращаясь к проблематике Витгенштейна и Крипке, действовать согласно правилу. Несколько метафорически Бурдье определяет его как „чувство игры“. Хороший игрок делает каждый раз то, что требуется игрой. Поясняя свою мысль, он обращается даже не к языковым играм, а к чисто телесным практикам. Эти типы практики представляются в некотором смысле парадигмальными. Подчеркивая

доминирующую роль „чувства игры“ по отношению к эксплицированным описаниям или формальным схемам социальной жизни, Бурдье пишет: „Там, где видели алгебру, нужно видеть танец или гимнастику“ (1994: 112). Именно техника владения телом обуславливает участие в игре, правильность осуществления практики. Требуемый ход делается без размышлений, взвешивания альтернатив, осмысления инструкций. Он как бы „вписан в тело“ участника игры. Бурдье также характеризует его как „инкорпорированную социальную игру“ и „имманентное игре чувство необходимости“ (Бурдье 1994: 99).

В связи с последним определением следует обратить внимание на сочетание в габитусе двух противоположных характеристик: свободы и необходимости (или детерминированности). Габитус диктует определенную стратегию поведения и таким образом детерминирует поступки участника социальной игры. С другой стороны, он создает свободу в осуществлении социальной практики. Так, музыкант свободно владеет инструментом, футболист свободно чувствует себя на поле (легко обводит соперника, видит партнера, которому можно отдать пас, и т. д.). Габитус как чувство игры дает возможность ориентироваться в ситуации, интуитивно найти нужное решение даже тогда, когда возникает проблема. Так, хороший фехтовальщик парирует неожиданный выпад противника, а хороший математик делает ход, позволяющий решить трудную задачу³. Этот адаптивный потенциал габитуса исключительно важен при осуществлении социальной практики. Игровые ситуации никогда не повторяются в точности, однако хороший игрок легко ориентируется в них.

Габитус, таким образом, есть принцип порождения и организации практик

³ Противопоставление танца алгебре, которое делает Бурдье, представляется не вполне точным. Деятельность математика также требует навыка и „чувства игры“.

(Бурдые 1995: 17). Этот принцип соединяет три аспекта функционирования практик: индивидуальную склонность актора действовать адекватно социальной ситуации, взаимодействие акторов в сообществе, взаимодействие сообщества и каждого его члена с реальностью. В нем конденсирован опыт совместной жизни сообщества на протяжении его истории. Еще одну важную характеристику габитуса Бурдые определяет как „историю, забытую как история“ (Бурдые 1995: 20). Иными словами, он представляет собой опыт прошлого, сосредоточенный в настоящем как в привычках и навыках индивидов, так и в институтах общества.

Из этой характеристики вытекает ряд важных следствий. Первое из таких следствий состоит в том, что благодаря габитусу коммуникативные навыки индивидов точно согласованы с функционированием институтов. Институты, как выражается Бурдые, „объективированы в телах“, „в постоянной предрасположенности тела признавать и подчиняться требованиям среды“ (Бурдые 1995: 23). Говоря о согласованности действий членов сообщества в рамках одного габитуса, он прибегает к лейбницевской идее предустановленной гармонии: каждый, следуя своим собственным законам, тем не менее, совпадает с другими. Габитус, определяя социальную роль индивида, заставляет последнего быть воплощением института. Так, король, банкир или священник воплощают, соответственно, наследственную монархию, финансовый капитализм, церковь. В итоге любая персональная характеристика является одновременно и обозначением социального статуса, воплощением того или иного института.

Второе из отмеченных Бурдые следствий состоит в том, что каждый член сообщества вырабатывает в себе в ходе социализации нечто вроде неосознанного стоицизма. Поскольку габитус есть результат длительного (на протяжении, возможно, нескольких поколений) опыта „притирания“ людей друг

к другу и к реальности, он детерминирует желания членов сообщества, „склоняет агентов придавать ценность необходимости, т. е. отказываться от того, что в любом случае не случится, и желать того, что неизбежно“ (Бурдые 1995: 19).

В итоге габитус, будучи по происхождению чисто социальной силой, составляет природу индивида. Понимание человека как агента социальных практик (а это единственный возможный способ понимания) не требует обращения к таким „внутренним“ характеристикам, как переживание, интенция. Понимание состоит в схватывании объективного намерения, лежащего в основе практик, и не требует воссоздания исходных намерений и переживаний актора. Объективное намерение продиктовано габитусом. Оно в равной мере институционально и персонально.

Еще одно важное следствие аккумуляции в габитусе прошлого опыта проявляется в его когнитивных свойствах. Однажды сформированный габитус определяет познавательные стратегии, создает схемы восприятия и оценки. Весь новый опыт структурируется в соответствии с теми принципами, которые сформировались благодаря прошлому опыту. По-видимому, существует весьма глубокая аналогия между концепцией габитуса и концепцией парадигмы, введенной Куном. К этой аналогии и к идее „научного габитуса“ мы еще вернемся, так что здесь достаточно лишь краткого упоминания о когнитивном аспекте.

Все сказанное позволяет сделать важное замечание относительно границ габитуса. Понятно, что габитус есть нечто обусловленное. Он всегда связан с определенными историческими условиями (типом культуры, характером экономики и т. д.), а также, возможно, с внесоциальными факторами, влияющими на человеческое поведение (например, с природными условиями). Однако Бурдые обращает внимание на одно обстоятельство, которое позволяет точнее увидеть,

как проявляется ограниченность габитуса. Поскольку, благодаря габитусу, как мы только что заметили, новый опыт структурируется сообразно прошлому опыту, легко видеть его (габитуса) консервативный характер. „Ожидания габитуса, практические гипотезы, основанные на прошлом опыте, придают непропорционально большое значение раннему опыту“ (Бурдьё 1995: 19). Габитус – это прежде всего память, „присутствующее в настоящем прошедшее“ (там же). Он заставляет видеть реальность исключительно через призму прошлого, формировать знание о настоящем сообразно структурам, соответствующим тому, чего, возможно, уже нет. Такое положение дел рано или поздно приводит к затруднению. Социальные практики, формируемые габитусом, перестают быть адекватными реальности. Во всяком случае, в рамках практически любого сообщества возможны „сбои“, аномалии, возникающие при столкновении с иной реальностью.

Наличие границы габитуса порождает особый эффект – кодификацию, т. е. фиксацию социальных норм, экспликацию (чаще письменную) правил поведения членов сообщества. Такую экспликацию Бурдьё считает специфическим явлением, несвойственным нормальным условиям коммуникации. Он замечает, что „практика придерживается норм (имеется в виду эксплицированная норма – Г. Г.) лишь в порядке исключения“ (Бурдьё 1994: 118). Такие нормы появляются тогда, когда поведение членов сообщества перестает соответствовать габитусу. Кодифицированные нормы, по определению Бурдьё, это „запись последовательно произведенных приговоров по поводу частных нарушений, исходя из принципов габитуса“ (Бурдьё 1994: 119). Иными словами, кодификация есть охранительная реакция сообщества, вызванная пограничной ситуацией. Когда габитус перестает работать, его необходимо зафиксировать. Исчезает его естественность, „вписанность в тела“, о которой мы упомянули выше. Сообщество, попадая

в неожиданные ситуации, теряет ориентиры. Бурдьё обращает внимание на то, что стремление к кодификации тем больше, чем выше риск. В частности, там, где велики разногласия, очень существенна роль протокола, формальных правил вежливости.

Здесь, на мой взгляд, обнаруживается одно важное обстоятельство. В затруднительных случаях, когда социальные автоматизмы перестают работать и следование привычным практикам заводит в тупик, необходимо рефлексивное отношение к принципам, порождающим эти практики. Эти принципы нужно, как минимум, представить явно. Их экспликация оказывается необходима для коммуникативной деятельности. Но кодифицированные правила всегда вторичны. Они суть только экспликация того, что уже существовало неявно. Кодексы и фиксированные нормы сами по себе не способны порождать никакие практики.

Следование правилу и рефлексия

Тема ошибки и ответственности ученого, возникшая при обсуждении концепции неявного знания, подводит нас к иному кругу идей. Ясно, что вопрос об ответственности не может обсуждаться безотносительно того, кому она атрибутируется. Иными словами, у Полани происходит поворот к теме субъекта науки и, шире, субъекта коммуникативной деятельности. В этой связи представляется важным обсудить еще один подход к проблеме следования правилу, подход, принципиально отличный от рассмотренных выше и базирующийся на идеях ответственности и рефлексии. Я имею в виду работу П. Уинча „Идея социальной науки и ее отношение к философии“ (Winch 1970). Интересно, что в своем рассуждении этот автор отталкивается от тех же самых текстов Витгенштейна, что и Крипке, однако интерпретирует их иначе. Впрочем, в отличие от Крипке, обращение к Витгенштейну носит у Уинча отнюдь не си-

стематический характер. Он явно развивает собственные идеи.

Следование правилу Уинч связывает с пониманием, которое он рассматривает отнюдь не как Витгенштейн. Утверждая, что понимание играет центральную роль в жизни общества, он связывает его с совокупностью понятий (*ideas*), которые человек составляет о реальности. В понимании Уинч выделяет два тесно связанных момента: способность действовать правильно в новой ситуации и способность отличить правильное от неправильного. Поясняя это, он обращается к примеру из п. 143 *Философских исследований*. Когда ученик пытается продолжить ряд четных чисел, превышающих 1000, он оказывается именно в новой ситуации. Он уже не может просто копировать действия учителя, но должен сам решить, что в данном случае является правильным. Его решение будет свидетельствовать о понимании (или непонимании). Нужно, следовательно, не просто приобрести привычку следовать определенным образцам, но и понимать (*realize*), что некоторые способы действия допустимы, а некоторые нет. Нужно не только делать то же самое, что делал учитель, но и научиться делать нечто отличное, но тем же способом. При этом необходимо отдавать себе отчет в существовании других способов, которые, однако, применять не следует (Winch 1970: 58–59).

Таким образом, Уинч приходит к утверждению, что следование правилу логически неотделимо от понятия об ошибке. Если существует возможность сказать, что некто следует правилу, то всегда также существует возможность сказать, что он ошибся и не следует ему. Такая идентификация невозможна вне сообщества. Ошибка есть, прежде всего, нарушение (*contravention*) того, что установлено в качестве правильного. Если я сделал ошибку, то другой должен быть в состоянии указать на это. Точно так соответствующее правилу действие может быть идентифицировано другими в качестве пра-

вильного. Более того, я могу сказать о себе, что я следую правилу только тогда, когда ему могут последовать другие.

Однако следование правилу и идентификация правильных и ошибочных действий не является реализацией закрепленных в сообществе автоматизмов. Подчеркивая это, Уинч противопоставляет два типа поведения: габитуальное (*habitual*) и рефлексивное⁴. Первый из названных типов как раз и характеризуется автоматизмом, неосознанным следованием выработанной привычке. Уинч настаивает, что для такого поведения вопрос о следовании правилу не может быть корректно поставлен, поскольку ему не присуще понимание. Действие по привычке сводится к повторению того, что было раньше. Это значит, что привычка не позволяет адаптировать правило к новой ситуации. Габитуальное поведение демонстрирует лишь причинную зависимость настоящего поступка от прошлых ситуаций. В конечном счете оно может быть сведено к модели „стимул–реакция“. Привычка есть механизм, порождающий заданные реакции на определенные стимулы. В этом смысле привычка „слепа“⁵, она не видит нового, а только воспроизводит прошлый опыт⁶.

⁴ Это различие Уинч заимствует у Оукишота. Интересно обратить внимание на использование термина *habitual*. Оукишот и Уинч используют его вне всякой связи с развитой Бурдье концепцией габитуса. В принципе можно было бы передать его как „привычный“ или „соответствующий привычке“. Мне, однако, кажется важным противопоставить рефлексивное поведение не только привычному, но именно габитуальному, в том числе и в том смысле, который предполагается у Бурдье.

⁵ Этот образ Уинч также заимствует у Оукишота. Интересно, что ту же характеристику использует Крипке, когда пишет о следовании правилу.

⁶ Неспособность габитуального поведения адаптироваться к новым ситуациям вполне коррелирует наблюдению Бурдье о консервативности габитуса. Однако анализ адаптивных возможностей габитуса у Бурдье тоньше и не столь однозначен, как у Уинча.

Следование правилу, по Уинчу, возможно только в рамках рефлексивного поведения. Рефлексия в данном случае определяется как способность отличить правильное от неправильного. Иными словами, рефлексия состоит в знании альтернативы и способности сделать выбор. Подчеркивая отличие этого типа поведения от габитуального, Уинч предлагает сравнить два высказывания: „Собака правильно реагирует на команду вследствие того, что было с ней в прошлом“ и „Ученик правильно продолжает ряд чисел вследствие того, что он видел раньше“. Выражение „вследствие“ (because of) имеет здесь разный смысл. Собака обусловлена прошлым опытом и ее действия укладываются в схему „стимул–реакция“. Поэтому у собаки нет альтернатив. Ученик действует на основании понимания. Прошлый опыт дает ему критерий отличия правильного от неправильного, т. е. наличие альтернативы для него имеет принципиальное значение. Собственно и слово «правильный» значит в этих двух случаях не одно и то же. Собака поступает правильно в том смысле, что ее поведение соответствует определенной модели. Ученик поступает правильно, поскольку с его выбором согласно сообщество. Согласие здесь, кстати, можно понимать так же, как это делает Крипке: „я согласен“, значит, „я бы поступил так же“.

Введение понятия альтернативы дает возможность далее развить представление об ответственности субъекта. Привычка, габитус, неявное знание детерминируют коммуникативное действие как само собой разумеющееся. Полани, рассматривая смысл „неявности“, обращает внимание на то, что такое действие находится на периферии сознания. Исходя из рассуждений Уинча, можно сказать, что периферийность свидетельствует о габитуальном характере действия. Наличие альтернативы перемещает его в центр, поскольку выбор должен соответствовать осознанно определенному критерию. Актор должен быть в состоянии

не только совершить правильный поступок, но и обосновать его правильность. Рефлексия предполагает способность защитить то, что сделал в ответ на претензию, что надо было делать по-другому. Таким образом, коммуникативное действие сближается с моральным. Мы вправе утверждать, что правилосообразная деятельность включает в себя момент оценки, различение должного и недолжного. Причем выбор между тем и другим может быть обоснован с точки зрения явно фиксируемых критериев. Сказанное означает также, что роль экспликации, фиксации норм и критериев посредством языка играет важную роль в коммуникации, поскольку только на эксплицированную норму можно сослаться при обосновании.

Выводы

Итак, мы видели, что при описании правилосообразной деятельности возникает представление о двух типах поведения. Первый тип основывается на социально обусловленном автоматизме и связан с безальтернативным, не апеллирующим к рефлексии действием. Второй тип основывается как раз на рефлексии и связан с ответственным выбором актора. Противопоставляя эти два типа поведения, мы можем увидеть некоторые важные особенности человеческого общения.

Первая особенность состоит в том, что именно рефлексивное поведение подразумевает экспликацию норм, тогда как габитуальное опирается на неявные и неэксплицируемые принципы. Говоря это, мы не должны упускать из виду саму проблему следования правилу. Виттгенштейн и Крипке показали, что следовать одной лишь эксплицированной норме невозможно. Их рассуждения порождают соблазн вовсе отвергнуть рефлексивное поведение. Однако есть серьезное основание отвергнуть этот соблазн, поскольку необходимо

отметить другую особенность, следующую из проведенного рассмотрения. Эта особенность заключается в принципиальной ограниченности габитуального поведения. Габитус, привычка, неявное знание имеют границы своей применимости. Конечно, утверждение Уинча, что габитуальное поведение вообще может быть адаптировано к новой ситуации, представляется явным преувеличением. Однако, если такая адаптивность все же существует, она не может быть безграничной. Поэтому рефлексия представляется неизбежной. Таким образом, мы сталкиваемся со странным парадоксом: рефлексивное поведение представляется одновременно невозможным и необходимым. Разрешение этого парадокса может базироваться еще на одном обстоятельстве, вытекающем из противопоставления габитуального и рефлексивного поведения. Это обстоятельство касается места субъекта коммуникации. Габитуальное поведение определяет доминирование сообщества над индивидом. В рамках габитуса человек предопределен социальными автоматизмами и может быть рассмотрен лишь как совокупность спонтанно рождающихся и функционирующих практик. Рефлексивное поведение может быть осуществлено лишь активным субъектом коммуникативной деятельности, берущим на себя ответственность за свои действия. В этом и состоит решение отмеченного выше парадокса. Рефлексия подразумевает отрыв от габитуса. Совершая рефлексивный акт, человек лишен опоры на навык и должен на свой страх и риск определить правило своего коммуникативного поведения. Такое действие можно рассматривать как субъективный произвол. Субъект принимает решение в условиях неопределенности, т. е. не зная точно, какое правило релевантно ситуации. Наличие альтернатив порождает риск. Но именно в состоянии риска возможен свободный выбор и ответственность.

Литература

- Baker, G. R.; Hacker, P. M. S. 1984. *Scepticism, Rules and Language*. Oxford.
- Kripke, S. A. 1982. *Wittgenstein on rules and private language*. Cambridge.
- Martinich, A. P. 1996. *The Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press.
- McGinn, C. 1984. *Wittgenstein on Meaning*. Oxford.
- Winch, P. 1970. *The Idea of a Social Science and its Relation to Philosophy*. London – New-York.
- Бурдые, П. 1994. *Начала*. Москва.
- Бурдые, П. 1995. „Структуры, habitus, практики“, в *Современные социальные теории*. Новосибирск, 16–39.
- Грязнов, А. Ф. 1996. „Как возможна правилосообразная деятельность?“, в *Философские идеи Людвиг Виттгенштейна*. Москва, 25–36.
- Виттгенштейн, Л. 1994. „Философские исследования“, в *Философские работы*, ч. 1. Москва, 75–319.

KALBOS ŽAIDIMAI: TAISYKLĖS LAIKYMO SI PRAKTIKA IR FILOSOFINĖ REFLEKSIJA

Grigorij Gutner

Darbas skirtas vienai iš tradicinių kalbos filosofijos – taisyklės laikymosi – problemų. Kalbinis bendravimas traktuojamas kaip taisyklių laikymosi veikla. Aprašomos dvi taisyklių laikymosi strategijos. Viena iš jų, pavadinta habitualiųjų, neatsiejama nuo institutų ir socialinių praktikų sistemos. Šioms strategijoms tirti straipsnyje naudojama habito koncepcija, iškelta P. Burdieu. Kita strategija remiasi refleksijos samprata. Refleksyvus aktas implikuoja alternatyvias komunikatyvaus veiksmo taisykles ir suponuoja komunikacijos atsakingą subjekto pasirinkimą.

Reikšminiai žodžiai: taisyklės laikymasis, praktika, habitas, alternatyva.

LANGUAGE-GAMES: PRACTICE OF RULE FOLLOWING AND PHILOSOPHICAL REFLEXION

Grigorij Gutner

The paper is devoted to the problem of rule following which is a traditional problem of the philosophy of language. Language communication is represented as a rule submitted activity. Two strategies of rule following are described. One of them is considered as habitual. It is strictly correlated with a system of social institutions and practices. The concept of habitus, developed by P. Bourdieu, is used for fuller investigation of this strategy. The other strategy is based on reflection. Reflective act implies alternative rules of communicative action and is correlated with responsible choice.

Keywords: rule following, practice, habitus, reflection, alternative.

Įteikta 2006-12-20, priimta 2007-11-23